

ВЛАДИМИР КУЗНЕЧЕВСКИЙ

КТО “ВИНОВАТ” В ОСВОБОЖДЕНИИ ЕВРОПЫ ОТ ФАШИЗМА?

1

75-я годовщина победы Советского Союза над фашистской Германией ожидаемо стала главным международным политическим событием 2020 года. “Ожидаемо” в силу того, что западных наших союзников в той великой войне ещё в сороковые годы в буквальном смысле “корёжило” от того, что именно Советская армия в мае 1945-го в одиночку взяла Берлин, и именно русские, а не англо-американский экспедиционный корпус ворвались в рейхсканцелярию германского нацистского государства и понудили Гитлера покончить его счёты с жизнью. Почему нынешних наследников англо-американского экспедиционного корпуса, высадившегося в июне 1944 года на побережье Нормандии, так “корёжит” этот исторический факт, и почему они сегодня, что называется, из кожи вон лезут, чтобы показать своим согражданам и вообще общественному мнению стран Запада, что это их страны, а не Советский Союз внесли решающий вклад в победу над Гитлером в 1945 году? Ставшие в последние годы доступными исторические источники позволяют дать ясный ответ на этот вопрос.

Британская энциклопедия пишет, что “советский вождь И. В. Сталин настаивал на открытии Второго фронта ещё в августе 1941 года, чтобы облегчить положение Красной армии на востоке. Но Великобритания не спешила, поскольку для такой широкомасштабной, с участием всех родов войск операции требовалась тщательная подготовка”.

Сам факт энциклопедия отмечает правильно, а вот трактовка его отличается известным лукавством.

Союзники Москвы по войне с германским фашизмом не торопились открывать Второй фронт в Нормандии не только потому, что знали, с какими огромными потерями в живой силе они столкнутся, если уже в 1941 году вступят в прямое столкновение с германскими боевыми соединениями в центре Европы, но ещё и потому, что откровенно выжидали конечного исхода столкновения гитлеровского вермахта с Красной армией. И заторопились с этим решением только тогда, когда увидели, что судьба Германии уже была фактически решена победами Красной армии, когда поняли, какой огромный политический и идеологический резонанс в глазах всего цивилизованного человечества будет иметь тот факт, чьи именно войска возьмут цитадель германского

фашизма – Берлин и рейхсканцелярию Гитлера. Весной 1945 года У. Черчилль и Г. Трумэн в буквальном смысле завалили своими указаниями главнокомандующего англо-американского экспедиционного корпуса генерала Д. Эйзенхауэра о том, что именно ему необходимо сделать всё возможное для взятия штурмом Берлина в апреле 1945 года.

А перед этим, ещё когда был жив Ф. Д. Рузвельт, в марте 1945 года американская стратегическая разведка в условиях абсолютной тайны, за спиной Сталина, предприняла попытку договориться в Берне (Швейцария) с представителями Гиммлера об односторонней капитуляции немцев перед англо-американскими союзниками.

Советская разведка этот план раскрыла. Сталин в возмущённом тоне уведомил об этом президента США Рузвельта (“Мы, русские, – написал он в своей телеграмме американскому президенту, – при аналогичном положении ни в коем случае не отказали бы американцам и англичанам в праве на участие в такой встрече”). Ф. Д. Рузвельт в телеграмме Сталину от 13 апреля фактически принёс извинения советской стороне за такое вероломство, квалифицировав действия своих подчинённых как недоразумение, и выразил просьбу считать “Бернский инцидент” “отошедшим в прошлое”. Это была последняя в жизни Рузвельта телеграмма, подписанная им лично. Через два часа после этого 32-й президент США скончался, и власть в Америке перешла к вице-президенту Г. Трумену. Но и через две недели пришлось фактически извиняться перед Сталиным, так как прежнее окружение теперь уже нового американского президента продолжало гнуть свою линию на заключение сепаратного мира с Гиммлером, без Москвы. На что Сталин 26 апреля вновь был вынужден уведомить Трумена, что “мы, русские, обязуемся продолжать свои атаки против немцев”.

В таких условиях Сталин в специальной телеграмме Г. К. Жукову предупреждает, что “Гитлер плетёт паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину, – наказывает он Жукову, – нужно разрубить путём взятия Берлина советскими войсками. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать. Рубите немцев без пощады и скоро будете в Берлине”. И при этом приказывает Жукову, Рокоссовскому и Коневу при встречах с союзниками “относиться к ним приветливо. Но никаких сведений о наших планах и боевых задачах наших войск никому не сообщать”.

Одновременно с этим Сталин стремится усыпить бдительность союзников. В телеграмме генералу Д. Эйзенхауэру от 1 апреля Сталин пишет, что “Берлин потерял своё прежнее стратегическое значение. Поэтому Советское Главнокомандование думает выделить в сторону Берлина второстепенные силы, а начало главного удара советских войск отнести приблизительно на вторую половину мая”.

К штурму Берлина Красная армия приступила в конце апреля, и через два дня красноармейцы ворвались в рейхсканцелярию Гитлера.

Сталин словно бы знал, что во втором десятилетии XXI века американцы будут наводить тень на плетень и убеждать весь западный мир в том, что это они, а не Красная армия, сокрушили гитлеровский фашизм.

Западные союзники России ещё в процессе Нюрнбергского международного трибунала пытались размыть политическое международное значение этого события. Но победа была столь оглушительной, что долгие десятилетия после неё западные политики и идеологи не знали, как подступиться к желаемой дискредитации этого уникального в человеческой истории феномена. Инерция от этого разгрома была столь сильной, что только через семь с половиной десятилетий они, наконец, собрались с силами и решили переиграть это историческое событие и предприняли попытку переписать европейскую историю в свою пользу, попытавшись искусственно оторвать историю разгрома Красной армией гитлеровского вермахта от истории Второй мировой войны.

Чего правящие круги США и политические элиты Евросоюза хотят добиться этим? А главное – зачем? В чём основная причина такого поведения с их стороны? Только ли в том, что тот, кто это делает, просто-напросто ненавидит Россию с её уникальным положением в мире? Думаю, что главная причина в другом.

Судя по всему, правящие круги американской элиты руководствуются тезисом, который ещё в 1945 году сформулировал в своей повести-притче

“Скотный двор” Джордж Оруэлл: “Все животные равны, но некоторые животные равнее других”. Страна наша в любом её обличье всегда мешала (и будет мешать) тем, кто хотел бы в международных отношениях руководствоваться осуществлением этой пресловутой максимы в человеческом общежитии.

По всей видимости, именно этим обстоятельством объясняется системная бескомпромиссная попытка коллективного Запада “подправить” настоящую историю Второй мировой войны, поменять акценты победы в свою пользу. Цель этой атаки заключается в том, чтобы вычеркнуть из мировой истории не только эту победу, но и вообще русскую цивилизацию, а вместе с ней и само понятие “русский народ”.

Об этом недавно кратко, но исчерпывающе сказал депутат Госдумы Вячеслав Никонов в небольшой реплике под названием “Почему Россию судят те, кто был вместе с Гитлером?»: “После того как Великобритания вышла из Европейского Союза, в ЕС практически не осталось ни одной страны, которая не была бы участницей нацистской оси, либо не союзничала с фашистской Германией, либо не была ею захвачена. Весь Европейский Союз – это в прошлом гитлеровская коалиция или те, кто склонился перед ней. Там не было ни одной страны, противостоящей Гитлеру. Повержена была и Франция, и её заводы работали на Германию. Вот кто нас сейчас пытается судить”.

Учитывая всё вышесказанное, нам, по-видимому, самим необходимо сделать собственные выводы. И чаще вспоминать о том, какой ценой досталась советским людям та Великая Победа в мае 1945 года. И не для того только, чтобы доводить до сведения западного обывателя, что ничто не ушло из нашей памяти, а и для того, чтобы нам самим не уподобляться тому сибирскому школьнику, знаменитому Коле из тюменского Уренгоя, который, выступая 19 ноября 2017 года в германском бундестаге, призвал посочувствовать тем гитлеровским солдатам, которые, как он сказал под аплодисменты депутатов бундестага, якобы “невинно погибли” в “так называемом сталинградском котле”.

2

Кто именно победил Гитлера – риторический вроде бы вопрос. Но на него есть совсем не риторический ответ.

7 мая 2017 года газета “Washington Post” сообщила о том, что в США был проведён массовый опрос населения, в ходе которого людям был задан вопрос: “Кто победил Гитлера в ходе Второй мировой войны?” Итог был таков: “В сознании американского обывателя, – пришла к выводу газета, – бытует твёрдое мнение, что – Красная армия, конечно же, участвовала в боевых действиях против немцев, но в основном лишь в качестве помощника англо-американских войск... Победили же немцев войска Соединённых Штатов Америки. Именно США спасли в те годы от гитлеровского фашизма не только европейские государства, но и советский народ”.

Факт любопытный. Судя по всему, средства массовой информации США немало потрудились над тем, чтобы нынешний американский обыватель не знал, что послевоенный международный военный трибунал в Нюрнберге однозначно констатировал, что ответственность за “заговор против мира и преступление против человечности” несёт политическое руководство только одной страны – гитлеровской Германии. И там же никто из участников этого трибунала не решился оспорить прозвучавшую в ходе заседания информацию о том, что в течение 1941–1945 годов 80% живой силы немецкого вермахта было уничтожено Красной армией на советско-германском фронте.

Разумеется, этот самый обыватель (и не только в Америке, но и в Европе) не знает, что ответ на поставленный выше вопрос никогда не был предметом для дискуссий в среде профессиональных историков и публицистов на самом Западе. Так, выдающийся британский историк, труды которого давно уже признаны в мировой исторической науке классическими, Норман Дэвис, автор фундаментального научного исследования “Europe A History” (1996 г.) 7 ноября 2006 года в газете “Sunday Times” (Лондон) в статье под заголовком “Война, которую выиграли не мы, а русские”, писал: “Настоящими победителями в войне были русские. Они шли на смерть под Москвой. Они выступали в Сталинграде. Они дошли до Берлина. Пора признать, что нацизм был побеждён благодаря России”. Не менее известный французский публицист

Лорен Жоффрен, главный редактор газеты “Liberation”, 8 мая 2017 года посчитал необходимым особо отметить с фактами и цифрами в руках: “Фашизм был разбит в России и благодаря России. И пора Западу это признать. СССР потерял в этой войне 14% от всего довоенного населения (около 27 млн чел.), США – 0,3% (около 300 тыс. чел.), Великобритания – 0,6% (400 тыс. чел.)”.

Впрочем, не совсем верно обвинять нынешнего американского обывателя в том, что он не знает исторической правды. Ему эту искажённую информацию в течение десятилетий настойчиво доносили американские политдеятели и американские же политические публицисты. Жители европейских стран с точки зрения исторического знания пребывают в несколько лучшем положении, потому что в сороковые годы двадцатого столетия фашизм в той или иной степени прошёл по судьбам их родовых семей. Хотя и они вот уже более семи десятилетий подвергаются массивной обработке со стороны американской пропагандистской машины. Но тут ещё не всё потеряно. За их сознание ещё бороться можно, до них донести историческую правду ещё не поздно (если, конечно, не прекращать попыток в этом плане).

А здесь работы для наших историков и публицистов, что называется, непочатый край. На меня в этом плане семь лет назад неизгладимое впечатление произвёл один случай.

31 января 2014 года 95-летний русский писатель Д. Гранин, участник Великой Отечественной войны, выступал в германском бундестаге по поводу юбилея снятия блокады Ленинграда в 1944 году. В ходе этого визита по просьбе Гранина состоялась встреча писателя со своим возрастным сверстником, бывшим канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом, участником боёв под Ленинградом.

– Я спросил его, – рассказывал позже Д. Гранин, – почему вы проиграли войну? У вас же было всё: прекрасное вооружение, хороший офицерский состав, хорошая авиация, неплохие танки. В чём дело?” Я хотел его спровоцировать или подтолкнуть к тому, чтобы он сказал: “Мы проиграли войну не только потому, что вы были, может быть, на каком-то этапе сильнее, но потому, что мы вели несправедливую войну, мы были нацисты, верили Гитлеру, в расовую теорию, которая на самом деле не могла победить”. Но он сказал: “Мы проиграли войну, потому что в войну вступила Америка”.

Вот так. *Finita la commedia*. А ведь Гельмут Шмидт – не американский обыватель, а немецкий политический деятель мирового масштаба, сам, на своей собственной шкуре испытавший в 1941–1942 годах всю сокрушающую силу русского оружия и стойкость русского солдата и потом бежавший из России без оглядки туда, откуда пришёл, в свою Германию. Чего же мы ждём от рядового гражданина Западного мира? И надо прямо признать, что наши историки, политические публицисты и наши политические власти за 30 прошедших лет многое упустили. Слава Богу, что сознание упущенного дошло, наконец, до Владимира Путина, и он в конце 2019 года, с присущей ему решительностью, не стал разводить кисельные берега в этом вопросе, имеющем огромное не только научное, но и политическое для России значение, и резко развернул лодку.

К сожалению, в том числе и для нас самих, в прошлые десятилетия и наши отечественные историки очень много внимания уделяли нашим победам на поле брани и почти не писали о том, что в 1941–1945 годах Советский Союз спас не только себя, но и весь остальной мир. А ведь если бы не воинская доблесть русского солдата, его фантастическая (по мнению немецких генералов) стойкость под Сталинградом и на Курской дуге, то нынешняя геополитическая карта мира, да и жизнь самого этого обывателя, была бы совершенно иной.

Какой? Ответ на этот вопрос есть.

15 октября 1941 года посол США в Великобритании Аверелл Гарриман спросил английского премьера, каким тому видится ход войны на сегодняшний день? Вопрос не праздный. Германские войска стояли всего в 14 километрах от Москвы.

Уинстон Черчилль, ни минуты не задумываясь, уверенно ответил:

“С учётом уже свершившегося по состоянию на 15 октября, Гитлер пересмотрел свои прежние планы, и теперь они выглядят так. Польша – 1939 год, Франция – 1940-й, Россия – 1941-й, Англия – 1942-й, и в 1943 году может быть захвачена и Америка”.

Вопрос американского дипломата был продиктован одним обстоятельством, о котором очень не любят сегодня вспоминать (и писать) все современные западные историки и публицисты (да и наши отечественные – тоже).

Летом 1941 года все западные эксперты были уверены в том, что на европейском театре военных действий ни одна страна, ни одна национальная армия не в состоянии противостоять захватническим планам гитлеровской Германии, включая и Советский Союз, и Великобританию.

Так, 20 июня 1941 года, за день до вторжения германского вермахта в СССР, европейский отдел Госдепа США порекомендовал президенту Ф. Д. Рузвельту: в преддверии выступления Германии против СССР не занимать определённой позиции во взаимоотношениях с Россией. В специальном меморандуме Госдепа “О позиции США в отношении СССР в случае войны между Советским Союзом и Германией” президенту США была высказана рекомендация “отказаться признать советское правительство в изгнании или прекратить признавать советского посла в Вашингтоне в качестве дипломатического представителя России, если Советский Союз будет разбит и советскому правительству придётся покинуть страну”.

15 июля 1941 года английская разведка доносила в Лондон из Москвы, что советское правительство, скорее всего, “может быть захвачено в плен”, и оценивала продолжительность советского сопротивления в 1,5–3 месяца.

Более того, Лондон, полагая, что участь СССР уже решена на полях сражений, сильно опасался вероятности заключения сепаратного мира между СССР и Германией, возможности возникновения некоего подобия ленинского Брестского мира или создания в России “марионеточного прогерманского правительства”, наподобие французского коллаборационистского правительства маршала Петэна.

Военный атташе Великобритании в Москве Итон сообщал в Лондон, что, скорее всего, советское правительство “может быть захвачено в плен, и потому британскому правительству следует думать о выстраивании в скором будущем своих отношений не с Москвой, а с Берлином”. Британское правительство всерьёз опасалось, что в случае занятия Гитлером Москвы оно может остаться один на один в противостоянии с гитлеровской Германией, и потому осенью 1941-го и летом 1942 года Черчилль даже рассматривал возможность перевода английского правительства в изгнании в Канаду.

Как теперь выясняется, премьер Великобритании опирался при этом не только на оценки своих экспертов в Лондоне и Москве.

Как пишет Гарриман, его потрясло не столько само содержание информации, сообщённое ему Черчиллем, но вполне спокойный, при этом уверенный тон. Откуда такая уверенность?!..

Английский союзник России и США в тот день ни словом не обмолвился своему американскому vis-a-vis о том, что в самом начале Второй мировой войны, а именно летом 1940 года английским спецслужбам удалось взломать секретный шифр Министерства иностранных дел Германии, и, разговаривая с Гарриманом, Черчилль доподлинно знал содержание абсолютно секретных планов Гитлера, но не торопился делиться этим знанием ни с кем из союзников, включая и президента США Ф. Д. Рузвельта.

Прежде всего, речь идёт о практически не известном не только широкой публике, но и многим историкам документе – Директиве № 32 от 11 июня 1941 года.

В 2007 году профессор Академии военных наук полковник В. А. Миркин опубликовал подписанный Гитлером текст этой директивы под названием “Подготовка к периоду после осуществления плана “Барбаросса”. 19 июня, за два дня до вторжения в СССР, документ был направлен из Берлина главнокомандующим всеми видами вооружённых сил Германии для практической проработки.

Согласно этому документу, вермахт должен был в 1941 году через территорию разгромленного им Советского Союза пройти в Афганистан, а через него – в Индию, а затем захватить Северную Африку, Гибралтар, страны Ближнего и Среднего Востока, острова Мальту, Кипр и Суэцкий канал и в 1942 году начать военную операцию против Британских островов, с тем чтобы, как говорилось, “начать и завершить наметившийся развал Английской империи”. С этой целью уже осенью 1941 года было запланировано начать бомбардировки городов на востоке США, а в 1943 году выйти в Латинскую Америку,

где из 14 государств планировалось создать всего 5 вассальных стран. 25 июля 1941 года на совещании с главнокомандующими ВМС Гитлер заявил, что Советский Союз практически уже разгромлен, и потому после окончания этой кампании он «намерен предпринять энергичные действия против США».

В дополнение к Директиве за день до нападения на СССР ОКВ разослало в войска специальную инструкцию о деятельности вермахта в арабских странах Большого Ближнего Востока.

Если допустить, что в 1942 году битва в Сталинграде закончилось бы победой немцев, то легко представить себе, как бы сегодня, в XXI столетии, могла выглядеть геополитическая карта мира.

Франция и Великобритания уж точно не существовали бы ныне в качестве ведущих международных держав.

США представляли бы собой третьеразрядное государство в северной части Американского континента.

Израиля как национального еврейского государства не было бы даже и в помине, а евреев не существовало бы как нации.

На территории Большого Ближнего Востока все арабские нации выясняли бы сегодня свои межгосударственные позиции не между собой, а во взаимоотношениях с Турцией и Ираном, а в Юго-Восточной Азии над всеми властвовала бы императорская Япония.

России, Китая и Индии как самостоятельных государств не должно было бы существовать на международной арене вовсе.

По мнению всемирно признанного авторитета исторической науки Эрика Хобсбаума, карта была бы именно такой, если бы в 1941–1945 годах 80% военной силы гитлеровской Германии не было уничтожено на Восточном фронте. Не в Африке и в Италии, а именно в сражениях с Красной армией. Почему же нынешний суверенный истеблишмент европейских стран из кожи вон лезет, чтобы во что бы ни стало доказать обратное?

И всё же самым тяжёлым моментом для советского руководства надо, по видимому, считать не август–октябрь 1941 года, а июль–август 1942-го, когда Гитлер был в двух шагах от того, чтобы перерезать Волгу в Сталинграде и начать движение по территории России в направлении Уральских гор.

Именно в тот момент У. Черчилль и счёл необходимым 12 августа 1942 года, сразу после встречи с президентом США Ф. Д. Рузвельтом, прибыть в Москву и в беседе тет-а-тет со Сталиным задал генсеку прямой вопрос: уверен ли его собеседник в том, что Россия в Сталинграде выстоит? Со своей стороны, английский премьер уведомил Сталина, что вполне допускает мрачное развитие событий и рассматривает для себя вариант перемещения британского правительства в Канаду.

Из мемуаров Черчилля историки знают, что, услышав от британского гостя заявление о том, что, вопреки обещаниям Рузвельта, второй фронт союзниками в 1942 году открыт не будет, Сталин не сдержался, вспылал и в раздражении едва не прервал беседу, заявив, что СССР выстоит и без помощи союзников.

Разговор двух руководителей, по оценке Черчилля, едва не закончился ссорой. Сталин, пишет он, прямо обвинил союзников в обмане и трусости, а Черчилль в ответ заявил, что он в таком случае готов прервать свой визит. Правда, тут же одумался, совладал с нервами и попросил личной конфиденциальной встречи с Молотовым.

Такая встреча на другой день состоялась. В ходе её британский премьер сказал следующее:

– Сталин сделает большую ошибку, если грубо обойдётся с нами, когда мы уже прошли такую часть пути.

На что советский министр иностранных дел ответил:

– Сталин очень мудрый человек. Можете быть уверены, что, как бы резко он ни спорил, он всё понимает. Но я передам ему ваши слова.

Теперь мы знаем, что сразу после отъезда Черчилля Сталин сказал Молотову, что в случае продвижения немцев к Уралу следует быть готовым к развёртыванию подпольной борьбы на захваченной немцами советской территории, и в том числе в самой Москве, и к передислокации советского правительства в изгнании в Индию.

Личный переводчик Сталина Валентин Бережков (1916–1998) в своих мемуарах оставил уникальную запись на этот счёт, относящуюся к моменту

визита У. Черчилля в Москву в период самых ожесточенных боев в Сталинграде.

“После одной из бесед с Черчиллем в кремлёвском кабинете Сталина, — пишет Бережков, — ... я должен был составить для советского посольства в Вашингтоне текст телеграммы, которую, по обыкновению, сразу же подписывал Сталин.

Мой первый вариант не во всём его устроил, и, сделав несколько конкретных замечаний, он предложил мне, устроившись в конце длинного, покрытого зелёным сукном стола, переписать текст начисто. Пока я был занят этим делом, Сталин прохаживался по узорчатой ковровой дорожке, попыхи-вая трубкой. Молотов остался у другого конца стола, где он сидел во время беседы с Черчиллем.

Вот тогда-то я и услышал из уст нашего вождя то, о чём до сего момента он не решался поведать никому.

— Как бы, Вячеслав, нам не пришлось пополнить список правительств в изгнании, — произнёс Сталин глухим голосом. — Если германцы продвину-ся за Урал, это может случиться... .

— Но это равносильно гибели, — как-то растерянно отреагировал Мо-лотов.

— Погибнуть мы всегда успеем. Но стоит прикинуть, какие могут быть ва-рианты. Говорил же Черчилль, что в случае оккупации нацистами Англии его правительство будет продолжать борьбу из заграницы, например, из Канады.

Сталин подошёл к одному из свёрнутых вдоль стены рулонов и, потянув за шнурок, развернул карту Восточного полушария.

— Победа над СССР, в чём в таком случае будет участвовать и Япония, — продолжал Сталин, — будет означать огромное усиление держав фашистской оси. Вот почему Англия и Америка будут ещё больше нуждаться в помощи советского народа и нашей партии. Подпольные обкомы, которые мы создали в конце прошлого года, когда враг подошёл к воротам Москвы, не расформи-рованы и продолжают подготовку ко всеобщей партизанской войне. Наш на-род верит в партию и её руководство и будет выполнять наши указания, даже поступающие издалека... .

Проведя своей здоровой правой рукой по периметру Советского Союза, Сталин продолжал:

— Нам, конечно, не следует повторять путь в Лондон, где уже и без того больше дюжины правительств в изгнании. Я не случайно сказал вчера Чер-чиллю, что уже бывал в Лондоне, на съезде партии большевиков вместе с Ле-ниним. Мне этого хватает. Но вот Индия могла бы быть подходящим местом... .

И он легонько провёл трубкой по огромному субконтиненту.

Меня потрясло, — пишет Бережков, — услышанное. Но я сделал вид, что погружён в свою работу. Постарался поскорее дописать телеграмму и не меш-кая выбраться из сталинского кабинета, где на меня обрушилось это страш-ное предположение”.

И ещё об одной вещи надо бы сказать.

Советские идеологи с 1945 года очень много и часто говорили гражданам европейских стран о том, что это мы их освободили от фашизма и что за это они должны вечно и неизменно постоянно благодарить Советский Союз. Ра-зумеется, Красная армия действительно освободила эти народы от фашизма. Но тут есть и другая сторона дела: а многие ли из них хотели, чтобы их осво-бодили? А уж когда Сталин после 1945 года оставил свои войска в целом ря-де стран Восточной Европы, он этим решением существенно поколебал бла-годарные чувства жителей этих стран к России.

Историкам — и историкам западных стран в особенности — хорошо изве-стно, что ни одна нация, ни один народ не сможет существовать и развиваться, если его политическая элита не будет постоянно внедрять в сознание своего народа информацию о том, что во все исторические периоды его существова-ния, даже критические, его поведение было исторически оправдано и безус-ловно позитивно. Не будет этого — не будет и самой нации как субъекта меж-дународных отношений. Именно поэтому сегодня политические элиты евро-пейских стран изю всех сил стремятся перевернуть историю с ног на голову, оправдать в глазах своих народов коленопреклонённость своих правительств того времени перед Гитлером и внушить своей публике идею о том, что за за-рождение Второй мировой войны чуть ли не основную ответственность должен

нести Сталин, а не Гитлер, а через него и Россия как таковая. Примеров в этом плане более чем достаточно.

Так, в сентябре 1938 года, когда Гитлер после унижительного для чешской нации Мюнхенского сговора выставил Праге ультиматум в течение 10 суток передать Германии Судетскую область, чешское правительство обсуждало это требование всего полтора часа, после чего министр иностранных дел Чехии Камилл Крафта пришёл к выводу: “Теоретически ультиматум можно отвергнуть. Но за этим последует война, в которой никто нас не спасёт”. И это было сказано при наличии в Чехии одной из лучших в Европе, на тот момент, армии и при том, что Советский Союз готов был оказать Праге помощь (теоретически, конечно, потому что ещё до этого польское правительство заявило, что в случае попыток оказать такую помощь польская армия не пропустит через свою территорию Красную армию и будет стрелять в русских, если те решатся на оказание такой помощи). Это была позиция правительства Чехии. А что подвигало сам чешский народ устраивать в Праге (и не только) многотысячные демонстрации приветствия немецким солдатам, входившим в страну после провозглашения её германским протекторатом?

Позже, в июле 1941 года президент чешского протектората чех Эмиль Гаха в послании к своим гражданам знал, что он опирается на поддержку своего народа, когда заявил: “Для того чтобы чешский народ принял участие в великой борьбе немецкого народа и внёс свой вклад в дело его победы, ему были определены задачи, особенно в области снабжения и вооружения... Военный взнос в 5 млрд крон был нами сделан ввиду того, что чешский народ непосредственно не участвует в войне”. И Чехия сделала что могла в этом плане. На вооружённые силы гитлеровской Германии, задействованные в боях против СССР, работали 122 чешских военных завода, 12 тысяч средних и мелких предприятий, 2,5 млн самых квалифицированных в Европе рабочих и технических специалистов до апреля 1945 года снабжали вермахт танками, самоходными орудиями, артиллерией и стрелковым вооружением.

Да и только ли Чехия повела себя таким образом? На экономику Германии работала и вся остальная Европа. Так, одна только нейтральная Швеция, добывая 10,8 млн т особо ценной железной руды, 10,3 млн т из них поставляла Германии. Мало кто знает, что за неделю до декабрьского (1941 года) наступления Красной армии под Москвой кичившееся своим нейтральным статусом шведское правительство, опираясь на свои разведданные, предупредило Берлин о том, что русские подготовили наступление под Москвой. Гитлер, впрочем, не поверил этому, заявив: “У Сталина уже не осталось войск для такого наступления”.

Фактически против СССР вместе с немцами шли и все другие европейские нации.

Пора бы и нам самим восстановить в этом вопросе историческую правду. Пришло время сказать вслух и публично, что, вопреки широко распространявшемуся советским пропагандистским аппаратом в сталинскую послевоенную эпоху тезису о том, что Россия (Советский Союз) во Второй мировой войне воевала, прежде всего, за освобождение народов Европы от фашизма, на самом-то деле наши люди воевали за сохранение нашей собственной свободы и нашей собственной жизни. В Европе же в массе своей “освобождения” от фашизма никто и не искал. Правительства всех европейских стран, кроме английского, в принципе вполне устраивал факт наступления Гитлера на СССР, а в гитлеровской армии в этом наступлении практически участвовали все европейские государства. Не оказалось в Европе ни одной страны, представители которой не воевали бы на территории СССР против Красной армии. Даже оккупированная Гитлером Франция была представлена на Восточном фронте своими, пусть небольшими, но воинскими подразделениями. Воевали против русских все, даже шведы и албанцы, и даже горделивые поляки. А правительства тех европейских стран, которые после войны громко подчёркивали сохранение своего военного нейтралитета, помогали Германии воевать против России не только материальными поставками, но и политическими действиями.

Отнюдь не на пустом месте Сталину приписывают фразу, произнесённую им в 1943 году: “Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведётся за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются. Великая Отечественная война ведётся за спасение нашей Родины во главе

с великим русским народом”. А в послевоенных мемуарах У. Черчилля можно прочесть, как в 1943 году Сталин был вынужден признаться своему собеседнику: “Вы думаете, что мои солдаты воюют за советскую власть? Да нет, они воюют за свою матушку Россию”.

До меня лично поздновато дошло понимание того, что нельзя было годами и десятилетиями бесконечно напоминать политическим элитам европейских государств о том, что мы освободили их народы от фашизма и требовать от них чуть ли не ежедневной благодарности в наш адрес за этот подвиг. Большинство из них этого “освобождения” не искали. А главное, советские идеологи такими требованиями ставили своих *vis-a-vis* в положение политически низшее по отношению к себе. А такого положения никто долго терпеть не будет. Вот после 1991 года Москва и наткнулась, грубо говоря, на идеологическую “ответку”, на почти что ненависть к себе.

Впрочем, нас, законных потомков и наследников той Великой Победы, это обстоятельство не должно волновать. Она в истории нашего народа была, и мы не намерены предавать этот подвиг забвению. Но меня не оставляет ощущение, что мы и сами-то ещё не до конца осознаем значение того, что сделали для всех для нас наши отцы, деды и прадеды в те годы. Наверное, это объяснимо. Народ наш и победу над Наполеоном по-настоящему стал осознавать лишь спустя много лет. На всенародный сбор народных средств и строительство Храма Христа Спасителя в честь этой победы ушло целых 70 лет (возведён в 1883 году). Наверняка не меньше, а скорее всего, больше времени уйдёт и на возведение всенародного памятника в честь столетнего юбилея нашей Победы.

Западным критикам нашей победы над гитлеровским фашизмом (да и нашим доморощенным) очень не нравится, что она олицетворяется с Красной армией, с Советским Союзом как большевистским государством, противопоставившим себя миру капитализма. Однако тут уж ничего не поделаешь, было — как было.